

ТАША МУЛЯР

МАТЬ ВЕЛЕЛА
герань
НЕ ПОЛИВАТЬ

сборник рассказов

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 2024

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М90

Во внутреннем оформлении иллюстрации
В. В. Давлетбаевой

Муляр, Таша.

М90 Мать велела герань не поливать : сборник рассказов / Таша Муляр. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Жизнь без дублей. Просто о непростом с Ташей Муляр).

ISBN 978-5-04-207075-4

«Мать велела герань не поливать» — новый сборник рассказов Таши Муляр, писателя, автора книг «Любовь без дублей», «Игры с небом» и «Танец стрекоз». В центре этих рассказов — яркие героини, чьи судьбы и переживания, трудности и радости заставят задуматься о том, что же в нашей жизни самое ценное и что мы можем сделать, чтобы это сохранить. Почему мы зачастую произносим слова любви, когда становится уже слишком поздно? Зачем пытаемся самостоятельно справиться со всем и отталкиваем тех, кто хотел бы помочь? Что позволяет нам почувствовать себя чуточку счастливее? Главные героини рассказов Таши Муляр пытаются разобраться в этих вопросах и в сложных переплетениях человеческих отношений, переосмыслить собственные ошибки и стать чуточку лучше, обрести счастье и наконец отпустить то, что давно должно отойти в прошлое.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Таша Муляр, текст, 2024
© Давлетбаева В.В., иллюстрации, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-207075-4

•••••Содержание

Мать велела герань не поливать	7
Без трех секунд	53
Свертки	95
Больше чем кража на даче	107
Тяжелый случай	136
Чужой букет	164
Одинокая без букета	172
Упавшая в небо	188
Гулкая поступь тишины	231
Так не бывает	264
Мама	337

••••• МАТЬ ВЕЛЕЛА ГЕРАНЬ НЕ ПОЛИВАТЬ

Ручка двери оказалась пустой. Как и вчера, обещанный пакет на ней не висел. Чуть постояв в нерешительности, раздумывая, позвонить в дверь или не беспокоить, она развернулась и пошла обратно, унося с собой принесенные продукты.

«Что-то не так», — тревожась, подумала Мария Ильинична. Она медленно спустилась на этаж ниже, аккуратно ступая по стертым от времени ступеням, чуть придерживаясь рукой за стену и стараясь сохранять равновесие. С ее весом тяжело было подниматься даже на один лестничный пролет, что уж говорить про Серафиму Дмитриевну, соседку: та вообще выходить из дома не могла. На пятый этаж

пешком — шутка ли в ее возрасте? Уже хорошо за восемьдесят перевалило.

Лед под ногой хрустнул, разломившись на два ровных зеркальных кусочка, в которых отразилось серо-голубое небо первомайского Питера. Мария Ильинична чуть не соскользнула в глубокую лужу, растянувшуюся через весь двор-колодец. Она несла в каждой руке по тяжелой сетке с продуктами.

Сколько раз она говорила себе столько не набирать. Уж семьдесят, нужно наконец-то начать думать головой, а не включать жалейку. Сегодня опять купила батон и кефир не только себе, но и соседке с верхнего этажа. Потом нужно было остановиться. Так нет, кускового еще взяла килограмм, пару пакетов гречи, а там и хлеб свежий привезли, — подумала тоже купить и завтра не ходить уже никуда. А на улице скользко, вроде самое начало мая, но по утрам лед на лужах — каждую ночь заморозки. Двор-колодец темный, солнца почти нет, вот и не тает ничего. Она остановилась перед входом в дом со стороны двора, поставила авоськи на лавочку, подняла голову вверх и невольно залюбовалась квадратом голубого неба со стремительно летящими рваными серыми облаками.

— Вот и еще одна весна пролетает мимо, — задумчиво произнесла она вслух, с трудом открывая массивную дубовую дверь, чудом появившуюся тут в лихие девяностые, когда все и всё отовсюду тащили. С этой стороны дома, со двора, подобной двери быть не могло — кто-то из новых жильцов, видимо, модернизацию провел, перевесив ее откуда-то, чтобы облагородить вход в жилище. Она окинула взглядом резной узор на двери.

— Да, раньше такие только на парадный вход ставили, тут-то черный, для челяди. А теперь — одни господа. Нет, ну кто же, интересно, эту дверь сюда припер, да еще и установить умудрился? — бормотала она про себя.

Придерживая ногой тяжеленную дверь, она потянулась к лавочке, чтобы забрать авоськи. Потом поняла, что не справится, и убрала ногу: дверь величественно закрылась, выпустив на свободу спертый воздух, словно изрыгнув его. Ароматы, свидетели жизни местных кошек, курева и старой застоявшейся сырости, тут же растворились, смешавшись с майским вечерним туманом. Мария Ильинична тяжело присела на лавочку рядом с сумками, решив

чуть подышать свежестью влажного морозного воздуха.

— Нет, сегодня нужно обязательно дойти до пятого этажа и посмотреть, что там с ней. Странно, что с утра на двери опять было пусто. — Она глянула на экран телефона, сверяя число и уточняя время. — Да, точно, три дня уже. Пойду, буду звонить в дверь, хоть она и не любит вторжения в свою жизнь.

— Эх, Сима, Сима, упертая ты старушка у нас! — Тяжело вздохнув, она встала с лавочки, опираясь одной рукой, помогая себя поднять, подхватила сетки, с трудом приоткрыла дверь, просунув ногу в щель и не давая той закрыться. Войдя в подъезд, начала медленное восхождение на свой четвертый этаж без лифта.

• • • • •

— Ну, вроде все. Спасибо господу, дал мне сил, сама справилась. — Серафима Дмитриевна надела чистую белую ночную сорочку, откинула угол одеяла, разгладила рукой простыню, любуясь свежестью с таким трудом выглаженного постельного белья.

Окинула взглядом комнату. Ага, все верно, вроде ничего не забыла.

На круглом старинном деревянном столе, надежно стоящем на одной мощной ноге и покрытом плюшевой скатертью с бахромой — дань моде прошлого, приверженкой которого была хозяйка дома, лежали документы. Завернутый в полиэтиленовый пакетик паспорт, пенсионное удостоверение, социальная карточка и пачка денег.

— Так, тут тоже все на месте. Денег должно хватить. Что уж там мне нужно после всего этого? Да ничего и не нужно. Справятся, — деловито рассудила она, еще раз перепроверив все, что собрала в пакетик, и перемотав его канцелярской резинкой, специально приготовленной для этого случая.

Держась одной рукой за сердце, которое опять норвало выскочить из груди, она прошла на кухню, благо до нее ходу-то пять шагов, каждый из которых давался с трудом.

«Все-таки я молодец, что тогда простилась с основной частью квартиры, ну зачем мне одной столько

комнат?» — рассуждала Серафима Дмитриевна, наливая воду в голубой эмалированный кофейник.

Серафима Дмитриевна жила в этой квартире в центре Санкт-Петербурга всю свою долгую жизнь. Родилась она до войны, в страшный для страны 1937 год. Тогда город еще назывался Ленинградом. Удивительные ощущения, когда понимаешь, что сам дом, его стены, сменившие не один десяток обоев, наслаивавшихся друг на друга, как воспоминания о судьбах жильцов, окна с тяжелыми двойными деревянными рамами, между которыми она до сих пор, как в холодильнике, хранит продукты, с трудом открывая вечно заедающие латунные шпингалеты-кремоны, истертые каменные ступени парадного, местами отколовшаяся лепнина на бесконечно высоких потолках — все это помнит тебя маленькой. Все это было свидетелем, как родители принесли тебя из родильного дома в теплом пухлом одеяле с кружевным треугольником, как ты рвала чулки и заплетала косички. Прибегала из школы, бросала портфель в угол комнаты — туда, где до сих пор величественно поблескивает старинными изразцами голландская печь. Этот дом помнит, как голодали во время блокады, разворачивали получен-

ное по карточкам сокровище, делили между всеми поровну, крошки же бережно собирали, промакивая пальцами стол, скручивали из них влажный упругий шарик и складывали в стеклянную банку на черный день, который невозможно вымарать из памяти. Дом соткан из воспоминаний, пропитан и пронизан ими насквозь, словно запахом сигаретного дыма, который въедается навсегда, несмотря на любые ремонты.

•••••

Дом был безмолвным свидетелем всей ее жизни. Так случается лишь с теми, кто с рождения и до самой старости живет на одном месте.

Сима покидала дом только во время войны. Первый год блокады они с матерью провели тут, не успели сразу уехать, а потом отец их как-то все-таки вывез. Им повезло, они выжили и после войны смогли вернуться. Отец погиб в сорок четвертом. Сима помнит его только по рассказам матери, слабым детским воспоминаниям и редким сохранившимся фотографиям.

Чудом после эвакуации сохранилась скатерть, которую отец подарил матери на годовщину свадьбы, да голубой эмалированный кофейник, из которого пили напитанный счастьем утренний кофе по выходным. После эвакуации из четырех комнат квартиры им оставили три. Потом подселили еще две семьи. В результате осталась одна комната и часть коридора, из которой они себе кухню сделали. Потом, когда Сима выросла, замуж вышла, они с мужем постепенно выкупили свои комнаты у соседей, расселив коммуналку и по крупицам восстановив семейное гнездо с ее воспоминаниями.

Муж Симы — Георгий Леонтьевич, Гоша — был намного старше ее. Когда они встретились, ей было тридцать, а ему — сорок пять. Она старшим костюмером работала в Ленинградском театре драмы, известном на весь мир. Сима тогда жила одна. Мать умерла рано: болела сильно после войны и тяжелого труда в эвакуации. Заботиться Симе было не о ком. Несколько неудачных романов с женатыми мужчинами закончились парой абортот и душевной раной, которую она залечивала, загружая себя работой.

В театре Серафиму Дмитриевну уважали и побаивались, несмотря на, в общем-то, молодой возраст. Характер у нее был мужской. Режиссеры ценили, народные артисты обожали, и все хотели работать с «железной Симой», как называли ее между собой. На первый взгляд, костюмер — не самая важная профессия в театре, но именно они помнят обо всех нюансах и дирижируют происходящим изнутри.

Сима переодевала артистов за считанные секунды во время спектакля, одновременно раздавала указания помощникам, доводя до идеала все детали образа, обращая внимание на каждую пуговицу, чуть мятый рукав, неплотно завязанные шнурки или выбившуюся из-под парика прядь волос. Она обладала необыкновенной стрессоустойчивостью и быстрой реакцией, командовала всеми — от режиссера до осветителя, если видела, что это необходимо для общего дела. У нее было богатое воображение и умение ладить с людьми, что позволяло не допускать конфликтов в коллективе и находить общий язык даже с самыми капризными актрисами. Природная педантичность и аккуратность как нельзя кстати пришлись в этой профессии.